

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

ГОРОДА, КОТОРЫЕ НЕ СПЯТ · КНИГА I

НЕ
ВЫКЛЮЧАЙ

ночной эфир

18+

Надежда Чародейская

Не выключа́й

<https://litres.ru/74338613>

SelfPub; 2026

Аннотация

В эфире — только ночь и чужие бессонницы. Лера Сомова четыре года собирает из них шоу, из-за которого город не выключает приёмники. Станция дышит на ладан. Она — нет.

Из Москвы присылают человека, который закрывает лишнее. Кирилл Волков не повышает голос и не торгуется. У него в номере отеля — папка с приговором «Радио Реке» и старый приёмник, который он крутит, потому что снова не спит.

В первую же ночь он находит её частоту.

Он не знает, что утром сядет напротив этой женщины. Она не знает, что голос, который после полуночи просит: «просто поговорите ещё немного», принадлежит тому, кто выключит её лампу.

Днём они делят один коридор и одну войну.

Ночью — одну тишину.

Содержание

Глава 1. Красная лампа	4
Глава 2. Номер четыреста двенадцать	14
Глава 3. Человек в чёрном пальто	22
Глава 4. После полуночи	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Надежда Чародейская

Не выключай

*Книга первая цикла «Города, которые не спят»
Надежда Чародейская*

Глава 1. Красная лампа

Лера

Красная лампа загорелась в одну семнадцать.

Это единственный закон, который я ещё соблюдаю. Когда горит она — я не вру. Можно не договаривать. Можно молчать дольше, чем позволяет формат. Нельзя — врать.

За стеклом Игорь Палыч поднял большой палец, не отрывая второй руки от пульта. Наушники пахли чужим шампунем и пылью. В трубке кто-то дышал так, словно всю дорогу от Ростова держал эту паузу на коленях.

— Радио Река, ночной эфир. Я слушаю вас.

— Лер, ты? — голос был охрипший, молодой и сразу старый. — Это Серёга, я на четвёрке, между Павловском и... ну, ты поняла. Снег орёт по стеклу, как будто кто-то сыплет крупой. Поговори со мной, а? А то сейчас сам с собой начну.

Я улыбнулась так, чтобы улыбку было слышно.

— Сам с собой ты и так всю дорогу, Серёг. Расскажи, что везёшь.

— Запчасти. И одну дурацкую мысль, что если остановиться — уже не тронусь. Ты там чай пьёшь?

— Пью. Очень плохой.

— Вот и хорошо. Значит, мы оба на своих местах.

Он засмеялся и закашлялся. Я дала ему ещё полминуты — про жену, которая не спит в Калуге, про то, как фары вылизывают мокрый асфальт, — и мягко вывела в песню. Не ту, что просит рекламный отдел. Ту, что держит человека на дороге.

Когда в студии снова стало тихо, я сняла один наушник. За окном Воронеж был чёрный, с жёлтыми бусами набережной и тонкой кромкой льда у быков Чернавского моста. Река в январе не замерзает как следует. Делает вид.

На втором мониторе мигнула почта.

Тема: «С понедельника». От кого: Марина Викторовна, директор.

«Лера, с десяти утра на станции представитель управляющей компании „Октава Медиа“. Аудит, оптимизация, сотрудничество обязательно. Просьба выглядеть презентабельно и не устраивать эфиров „про правду“. М.В.»

Я прочитала дважды. Слово «оптимизация» в нашей отрасли звучит так же, как «ампутация» в хирургии: вроде бы чтобы спасти, и всегда отрезают живое.

Игорь Палыч постучал ногтем по стеклу.

— Живой ещё? — хрипло спросил он в служебный микрофон. — У тебя лицо, как у человека, которому прислали счёт за чужую свадьбу.

— Из Москвы едет санитар.

Он долго смотрел на меня. Потом снял свои вечные наушники, и седые волосы встали хохолком.

— В восемьдесят девятом нас уже хоронили. В двухтысячном. В четырнадцатом. Мы, знаешь ли, плохо горим.

— Они больше не жгут, Игорь Палыч. Они просто выключают.

Я вернулась в эфир до того, как он успел ответить. В городе в эту минуту не спали: санитарки после смены, студенты перед сессией, женщины, у которых в соседней комнате кто-то тяжело дышит, мужчины, которые боятся лечь, потому что во сне приходит то, от чего днём получается отшутиться. Я знала их по голосам. Голоса честнее лиц.

В два сорок позвонила женщина и минуту молчала.

— Я здесь, — сказала я. Не «говорите», не «не стесняйтесь». Просто: я здесь.

— Дочка сегодня ночью уехала в Питер, — наконец выговорила она. — Квартира гудит, как пустой холодильник. Я поставила ваш эфир на кухне, чтобы кто-то ходил по комнатам. Можно я не буду рассказывать?

— Можно. Оставайтесь. Я буду говорить достаточно громко.

После гудков я поставила длинную вещь без слов — гитару и много воздуха. Смотрела на красную лампу и думала, что если станцию закроют, эта женщина останется с холодильником наедине. Потом оборвала себя: я не благотворительный фонд. Я ведущая умирающего регионального FM, у которой в холодильнике как раз то самое гудение и банка маслин.

В четыре ноль две я сказала то, что говорю каждую ночь. — Если вы ещё не спите — значит, мы свои. Оставайтесь до конца. Я никуда не уйду.

Лампа погасла.

Это уже была ложь. Просто лампа не видела.

На улице пахло мокрым железом и снегом, который не успел стать красивым. Я завернулась в старое пальто, кивнула охраннику дяде Коле — он дочитывал детектив, не поднимая глаз, — и пошла вдоль реки.

Город в половину пятого честный. Видны все швы: облезлая краска на парапете, пакет, намотанный на ветку, реклама кредита, которой стыдно при дневном свете. Под мостом тянуло сыростью. Где-то далеко скрежетал трамвай, один, как человек, который не понял, что смена кончилась.

Я люблю этот час больше, чем любой другой. В нём нет обязанности быть живой для кого-то. Только идти и слышать собственный шаг.

Дома меня ждал не кот и не мужчина. Плед на батарее,

кружка с отбитой позолотой, тишина, которую я сама себе устраиваю после четырёх часов чужих бессонниц. Я приняла душ, вымыла изо рта чужой чай и чужие истории, легла лицом в подушку и провалилась не в сон — в короткое чёрное окно.

Разбудила Таня. Не звонком — сообщением, которое уда-рило в тумбочку в девять двенадцать.

«Москвич в десять. Надень что-нибудь взрослое. И ради бога не это серое, в котором ты хоронишь ночь. Целую. Если что — я рядом и готова случайно пролить на него кофе.»

Я посмотрела в шкаф. «Взрослое» у меня — это чёрный свитер, в котором не стыдно за собственную усталость, и джинсы, которые помнят Москву и не напоминают о ней вслух. Туфли на каблуке я оставила там, в другой жизни, вместе с человеком, который говорил «мы команда», пока продавал мой голос как формат.

Надела свитер. Завязала волосы. В зеркале была женщина тридцати лет, которой хватает лица для ночи и не всегда хватает на утро. Это меня устраивало. Днём я не обязана быть красивой. Днём я обязана быть неудобной.

На кухне я съела вчерашний сыр и выпила кофе, горький до злости. За окном правый берег потихоньку включался: сначала окна, потом машины, потом чужие разговоры на остановке. Река лежала тяжёлая, свинцовая. Если прислушаться — а я всегда прислушиваюсь — под льдом что-то слабо стучало. Как будто город тоже не спал и стеснялся в

этом признаться.

В телефоне второе письмо от Марины, уже паническое: «Лера!!! Он из самого управления. Волков Кирилл Сергеевич. Не спорь с ним при всех. Пожалуйста.»

Я ответила: «Я вообще редко спорю при всех. Обычно — после.»

И вышла в январь, в котором снег снова шёл наискосок, как помехи в эфире.

Станция снаружи всегда кажется меньше, чем есть. Серое трёхэтажное тело 1974 года, вышка с ободранной краской, табличка «Радио Река 103,1», которую кто-то однажды пытался открутить и бросил. В холле пахло влажной шерстью, бумагой и тем прелым теплом, которое держат старые батареи.

Таня стояла у турникета в красном пальто, не по сезону смелом, и жевала никотиновую жвачку.

— Ты в похоронном, — сказала она вместо приветствия.
— Отлично. Пусть сразу поймёт, с кем имеет дело.

— С кем он имеет дело?

— С нами. Это уже много. Я гуглила. Волков — не толстый дядька из министерства. Он тот, кого присылают, когда решение уже принято, и нужно, чтобы все расписались красиво. Закрыв три станции в Черноземье за год. Одну газету. Ещё что-то на Урале. Прозвище у него в тусовке есть, но я при детях не повторяю.

— Соня на стажировке, ей девятнадцать. Она не ребёнок.

— При Соне тем более.

Таня взяла меня за локоть. У неё всегда тёплые пальцы, даже в январе. Это несправедливо.

— Лер. Только не геройствуй в одиночку. У меня сын, у Палыча пенсия, у Марины ипотека на ту дурацкую двушку. Если будешь рвать рубаху — рви так, чтобы нас под ней не порвало.

Я кивнула. Кивок ничего не стоил, и мы обе это знали.

В конференц-зале уже расставили воду в пластике и печенье «Юбилейное», будто аудитора можно задобрить советским сахаром. Марина Викторовна тёрла руки, хотя в зале было жарко. На новом флипчарте криво держалось слово «СИНЕРГИЯ», оставшееся от прошлого тренинга. Я села у окна, спиной к реке, лицом к двери. Так всегда лучше: видишь, кто входит, и не видишь, что придётся отдать.

В 10:01 дверь открылась без стука.

Я ждала человека с кейсом и улыбкой продавца. Или мальчика в кашемире, который говорит «давайте на „ты“, мы же креатив».

Вошёл тот, кого голос сначала отмечает, а уже потом — глаза.

Высокий, сухой, в чёрном пальто, на плечах которого ещё таял чужой снег. Тёмные волосы, седина у висков не как украшение, а как недосып, который решил остаться. Лицо без рекламы: ровное, закрытое, с тенью бессонницы под гла-

зами. Он снял перчатки медленно, палец за пальцем, и положил их на стол так, словно перчатки тоже были документом.

— Кирилл Волков, — сказал он. Голос сел в комнату сразу, без усилия. Низкий, ровный, без актёрства. Таким голосом не торгуют на радио только потому, что его обладатели обычно не приходят на кастинги. — «Октава Медиа». Спасибо, что нашли время.

Марина защebetала. Таня села ровно. Соня, бедная, уронила ручку.

Я смотрела на его рот и думала глупость: этот человек всю ночь мог бы читать объявления о погоде, и кому-то стало бы легче.

Потом он посмотрел на меня.

Не сверху вниз. Прямо. Так смотрят на строчку в отчёте, которая не сходится.

— Валерия Сомова, — сказала Марина торопливо. — Наше ночное... лицо. То есть голос. Лера, Кирилл Сергеевич как раз хотел...

— Я знаю, кто она, — сказал он тихо. И это «знаю» легло странно. Слишком лично для человека, который видит меня первый раз. — Шоу «Пока город спит». Единственный слот с удержанием аудитории выше ноля. Поздравляю.

Это не было комплиментом. Это было вскрытием.

— Спасибо, — сказала я. — Мы очень гордимся тем, что ещё не умерли. Вам кофе? Он у нас тоже выживает вопреки. Уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Помеха.

— Потом. Давайте сначала о цифрах.

Он открыл тонкую чёрную папку. Не планшет — бумагу. Старомодно и от этого опаснее: с бумагой нельзя сделать вид, что она «не загрузилась».

Дальше был час, в который нашу жизнь переложили в столбцы. Реклама минус восемнадцать. Средний возраст слушателя — сорок семь. Федеральные пакеты дешевле, чем живой эфир. Здание на балансе «неэффективно». Вышка требует ремонта, которого никто не заложил. Ночное шоу — «локальный всплеск без масштабирования».

Каждое слово было правильным. И каждое — врало.

Я ждала, когда Марина скажет хоть что-нибудь кроме «мы готовы к диалогу». Не сказала. Таня пинала меня под столом носком сапога: не надо, не сейчас, не при всех.

В конце он закрыл папку.

— На этой неделе я буду здесь каждый день. Мне нужны эфирные журналы, договоры, доступ в архив и присутствие на слотах. В том числе ночных.

Марина побледнела.

— Ночных? Кирилл Сергеевич, там же... публика специфическая, и Лера работает одна, и...

— Тем более, — сказал он. — Я слушаю всё, что собираюсь оценить.

Слово «оценить» он произнёс вместо другого. Все это слышали.

Я встала. Стул коротко крикнул.

— Тогда добро пожаловать в один час ночи, Кирилл Сергеевич. У нас нет печенья. Зато есть люди, которым не спят по причинам, не входящим в вашу папку.

Он смотрел на меня без раздражения. Хуже: с интересом, холодным и точным, как настройка микрофона.

— Я приду, — сказал он. — Не опаздывайте.

— Это моя студия, — ответила я. — Опаздывать в ней можете только вы.

Таня закрыла глаза. Марина тихо простонала «боже». Соня записывала, кажется, вообще всё, включая мою глупость.

Волков кивнул — коротко, почти уважительно — и вышел так же, как вошёл: без стука, оставив на столе тающий снег с воротника и запах холода.

Не парфюм. Холод.

Я ненавижу, когда тело отмечает человека раньше, чем голова успевает сказать «нет».

Глава 2. Номер четыреста двенадцать

Кирилл

Самолёт сел в слякоть, как в плохую новость: мягко и сразу тяжело.

Воронеж из иллюминатора был плоский, мокрый, с рекой цвета мокрого асфальта. Я люблю такие города. В них меньше театра. Больше правды в углах домов.

В такси пахло хвоей освежителя и чужим обедом. Водитель спросил, в командировку ли, и не стал ждать ответа. За окном шли гаражи, потом советские ленты кварталов, потом центр, который делает вид, что он про Европу: вывески, кофейни, мокрый камень. Я смотрел не на это. Я смотрел, сколько в городе ещё живых вывесок. Живая вывеска — та, под которой вечером стоит хотя бы один человек не из рекламы.

Отель «Северный» оказался ровно тем, чем должен быть отель для людей вроде меня: ковёр, который глушит шаги, коридоры цвета слоновой кости, улыбка на ресепшене, не доходящая до глаз. Номер четыреста двенадцать. Девятый этаж. Вид на проспект, на мокрые крыши, на рекламу теле-

фона, с которого якобы начинается новая жизнь.

Я распаковал чемодан за двенадцать минут. Рубашки, чёрное, серое, папка, зарядки, таблетки, которые не снотворное и всё равно не работают. Поставил ноут. Открыл файл.

«Радио Река». Региональный актив. Частота 103,1. Здание — интерес к участку у набережной. Рекомендация управляющего комитета: сокращение живой сетки, перевод под федеральный пакет, подготовка объекта к смене назначения. Срок: шесть недель. Куратор на месте: К. С. Волков.

Шесть недель — это вежливость. Обычно хватает трёх.

Я знаю, как это делается. Сначала цифры. Потом лица. Потом тишина, в которой уже никто не спорит, потому что спорить негде. Люди потом говорят: он был корректен. Это самое страшное, что обо мне можно сказать.

В семь вечера я съел безвкусную рыбу внизу, в ресторане с вилками тяжелее смысла. В девять ответил Лапину: «На месте. Завтра первая рамка». В десять лежал на кровати и смотрел в потолок, который ничего мне не был должен.

Бессонница — не романтика. Это профессия. Когда долго выключаешь чужие шумы, свой собственный становится невыносимым. В голове всегда остаётся последняя редакция: макет полосы, которую больше не напечатают. Голос отца в трубке: «Ты хотя бы название оставил?» Я оставил. На две недели. Потом пришла сеть объявлений.

Я встал. Прошёл до окна. Проспект блестел, как мокрый кабель. В номерах напротив кто-то смотрел футбол без зву-

ка. Я открыл мини-бар, закрыл, не взяв ничего. Алкоголь даёт сон на час и утро, за которое стыдно перед самим собой. Стыд у меня и так в профиците.

На тумбе стояли часы с приёмником. Чёрная пластмасса, зелёные цифры, колёсико настройки — вещь из другого договора с временем. Уборщица, видимо, не решилась выбросить.

Я крутанул колесо.

Сначала реклама вклада. Потом поп, в которой девушка обещала ненавидеть и любить в одной строчке. Потом церковный хор на чьей-то волне, залетевший сюда по ошибке атмосферы. Потом треск.

Потом — она.

Голос вошёл в комнату без стука. Низкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой, как после долгого разговора на морозе. Не «радиоведущая из ролика». Живой рот близко к микрофону.

«...не надо объяснять, почему не спится. Это вообще необязательно, вы не на приеме. Просто оставайтесь. За окном снег, в студии плохой чай, и нам с вами, кажется, по пути.»

Я сел на край кровати.

Не потому что красиво. Потому что тело, которое шесть месяцев не умело выключаться, вдруг нашло ручку громкости.

Она говорила с кем-то — с женщиной, у которой дочка уехала в Питер. Не жалела. Не давила на слезу. Держала па-

узу так, как умеют только люди, которые сами боятся пустых квартир. Потом поставила музыку без слов. Гитара шла по номеру, как свет из-под двери.

Я лёг поверх покрывала, не раздеваясь. Пальто висело в шкафу, но холод остался в плечах, привычный, командировочный. Приёмник светился зелёным, по-больничному.

«Если вы ещё не спите — значит, мы свои. Оставайтесь до конца. Я никуда не уйду.»

Я закрыл глаза.

И — вот глупость, вот профессиональный провал — уснул.

Без таблетки. Без счёта вдохов. Без той внутренней дыры, в которую обычно падаю до утра.

Мне снился не отец. Не закрытая редакция. Снилось река под мостом и голос, который шёл по воде, как по проводам.

Проснулся в семь десять от собственного стыда.

Сначала не понял, где я. Потом понял хуже: что именно меня выключило. Зелёный глазок приёмника всё ещё горел. В эфире уже утро — бодрый мужской тембр, пробки, шутки про погоду, реклама мебели. Её не было. Ночь кончилась, как должна кончаться ночь: без обязательств.

Я встал под душ, выкрутил воду до горячего, потом до ледяного. В зеркале был человек, которого вчерашний сон сделал слабее. Сон — это уже зависимость. Зависимость от актива, который я приехал убить, — это уже анекдот.

В папке на столе лежала распечатка. «Сомова В. А., 30 лет. Ведущая ночного эфира. Ранее — штат московской станции „Капитал FM“, слот 00:00–03:00. Увольнение по соглашению сторон, 2022. Локальная аудитория лояльна, рекламный потенциал ограничен.»

Ограничен. Какое аккуратное слово для живых.

Я завязал галстук и снял его. Слишком похоронно, даже для меня. Осталась чёрная водолазка и пальто. В лифте смотрел на свои руки и думал, что отец в такие минуты доставал сигарету, даже когда уже не курил: просто чтобы пальцам было что держать вместо вины.

До станции шёл пешком. Хотелось понять город ногами, не через стекло такси. Слякоть заходила в обувь. На остановке женщина ругалась в трубку тихо, почти нежно. Напротив киоск продавал цветы, которые в январе выглядят как извинение.

Здание «Радио Реки» я узнал по вышке. Она была ржавая и упрямая. Такие вышки ещё помнят, что голос может идти далеко без приложения.

В холле меня встретила женщина в красном пальто — Белова, продюсер утра, разведена, ребёнок, кредит. Я знал это до рукопожатия. Это моя болезнь: я приезжаю в чужие жизни уже прочитанным файлом.

— Кирилл Сергеевич, — сказала она слишком бодро. — Мы очень рады. То есть мы готовы. То есть... Марина Викторовна наверху.

— Я не кусаюсь, — сказал я.

— Жаль, — ответила она и тут же испугалась собственной шутки. — Кофе?

— Потом.

В зале была вода, печенье и страх. Страх имеет запах: дешёвый парфюм поверх пота. Директор улыбалась так, словно улыбка могла войти в отчёт отдельной строкой. Стажёрка писала слишком много. У окна сидела она.

Я узнал голос раньше лица. Это было физически нелепо: днём, в свитере цвета мокрого асфальта, с волосами, собранными так, будто руки делали причёску в лифте, она не совпадала с ночью. И совпадала полностью. Рот. Посадка плеч. Способ смотреть — не снизу, не сверху, в упор, как в микрофон.

Валерия Сомова. Актив. Проблема. Человек, из-за которого я сегодня проспал без таблеток.

Я сказал её имя раньше, чем следовало. Сказал «я знаю, кто она» — и увидел, как это её кольнуло. Хорошо. Пусть колет. Если начнём с нежности, я не закрою даже дверь.

Цифры я знал наизусть. Произносил их спокойно. Спокойствие в таких комнатах действует сильнее крика: люди начинают ненавидеть себя за то, что не могут возмутиться так же тихо.

Она возмутилась иначе. Встала. Стул крикнул.

— У нас нет печенья. Зато есть люди, которым не спят по причинам, не входящим в вашу папку.

Я почти улыбнулся. Помешал себе.

Мне нравятся люди, которые защищают уже горящий дом. Не потому что они правы. Потому что в этот момент они живые, а я — нет.

— Я приду, — сказал я про ночь. И сам услышал, как это прозвучало.

Не опаздывайте, добавил, чтобы вернуть дистанцию. Она вернула сильнее.

В коридоре было холоднее, чем в зале. Я остановился у старой фотографии на стене: семьдесят четвёртый, люди в галстуках у микрофона с гербом. Подпись выцвела. Осталось только «в эфире».

Белова догнала меня у лестницы.

— Она не стерва, — сказала быстро. — Она просто... это её дом. И ещё один дом у неё уже отбирали. Имейте в виду, если собираетесь быть человеком, а не папкой.

— А если папкой?

Таня Белова посмотрела на меня так, как смотрят на погоду: без иллюзий.

— Тогда хотя бы не слушайте её ночью. Это нечестно.

Я ничего не ответил.

Потому что уже слушал. И уже знал, что вечером снова включу зелёный глазок. Не для аудита. Для того, чтобы проверить, повторюсь ли я в слабости.

Слабость, которая работает, — самая дорогая из всех.

На улице снег пошёл гуще. Я поднял воротник и подумал,

что шесть недель — слишком много, если в первую ночь город уже говорит со мной её ртом.

Глава 3. Человек в чёрном пальто

Лера

После совещания в студии пахло чужим холодом ещё час.

Это глупо — запахи так не работают. Но я снимала эфир вчерашней ночи, вычищала «э-э» у Серёги с трассы и всё равно слышала его голос поверх: ровный, низкий, без права на возражение. «Я слушаю всё, что собираюсь оценить».

Оценить. Как мебель. Как частоту. Как меня.

— Он к тебе неровно, — сказала Таня, ввалившись с двумя стаканами кофе. — Не в том смысле. В том, что смотрел, будто ты опечатка, которую хочется оставить.

— Он смотрел, будто я строка убытков.

— И это тоже. Мужики вашего типа совмещают.

— Какого «вашего»?

— Которые спят по четыре часа и думают, что это характер.

Я засмеялась, нехотя. Кофе обжёг губу. За стеклом Соня проводила экскурсию для самой себя: трогала старые катушки, которые давно не крутятся, и делала вид, что это практика, а не страх увольнения.

— Тань. Насколько плохо?

Она села на стол, качнула ногой. Красное пальто сбросила на стул, как флаг.

— По деньгам — плохо. По зданию — очень. Я слышала, набережную давно облизывают под апартаменты с «видом на воду». Вода у нас, конечно, та ещё открытка, но застройщикам всё равно, они потом воду нарисуют в буклете. Частота — вот что их ест. Частоту можно продать. Нас — нет.

— Значит, нас вынут, частоту оставят.

— Или наоборот, если так выгоднее. Ты же понимаешь: мы для них не радио. Мы обременение на красивом пяточке земли.

Я покрутила кольцо на кружке. Давно стёртое, ещё отцово, с якорем. Отец говорил: якорь нужен не чтобы стоять, а чтобы не унести туда, куда тебя не звали.

— Я не отдам ночь, — сказала я.

— Я знаю. Поэтому и боюсь.

Игорь Палыч появился в дверях с запахом улицы и дешёвого табака.

— Москвич ходит по первому этажу и считает розетки, — сообщил он с уважением к розеткам. — Вежливый. Это хуже грубого. Грубый хотя бы орёт, и ты понимаешь, куда бить.

— Пусть считает, — сказала я. — В розетках у нас тоже характер.

Палыч хмыкнул и, уже уходя, добавил:

— У него голос хороший. Зря он бумажки. Надо было в эфир, в семьдесят каком-нибудь. Тогда ещё брали таких,

молчаливых.

Я не ответила. Думать о его голосе было опасно. Голос — моя профессия. Если начну слышать его отдельно от папки, я проиграю быстрее, чем станция.

Он пришёл в архив без предупреждения, в три дня.

Архив у нас — не романтика вина. Это подвал с запахом сырой бумаги, стеллажи, где лежат эфирные журналы с девяностых, коробки с плёнками, которые некому оцифровать, и один обогреватель, который врёт градусником. Лампочка качалась, когда кто-то ходил наверху.

Я стояла на стремянке и искала журнал за ноябрь, когда дверь скрипнула.

— Вас предупреждать? — спросила я, не оборачиваясь.

— Обычно нет, — сказал Волков. — Но могу научиться.

— Не надо. Притворимся, что это ваш дом. Вам же так спокойнее.

Он не обиделся. Подошёл ближе, и стремянка стала казаться глупее, чем была. Я спустилась. Мы оказались слишком близко для подвала и слишком далеко для разговора, который можно назвать рабочим. На нём всё ещё было пальто. В подвале от этого шло тепло, как от машины, которую только что заглушили.

— Мне нужны журналы ночных слотов за три года, — сказал он. — И договоры с рекламодателями, которые крутятся только у вас.

— Они крутятся у нас, потому что им некуда больше идти после полуночи. Аптеки. Такси. Один пивовар, который считает, что бессонница повышает продажи тёмного.

— Романтика рынка.

— Рынок тут ни при чём. Люди просто пьют, когда не спят. Вы тоже, или у вас для этого таблетки?

Он посмотрел на меня внимательнее. В плохом свете было видно, что бессонница у него не метафора: тонкая краснота по краю века, слишком прямая спина человека, который уже не надеется отдохнуть и поэтому не сутулится.

— Таблетки, — сказал он просто. — Не помогают.

Это было слишком честно для первого дня. Я не знала, куда деть честность, и сунула ему в руки пыльную папку.

— Держите. Только не читайте вслух. Там почерки наших покойных бухгалтеров, можно испугаться.

Он почти улыбнулся. Опять эта помеха в углу рта. Я отвернулась к стеллажу, потому что смотреть на неё было всё равно что крутить ручку громкости на себе.

Мы работали сорок минут почти молча. Он читал быстро, отмечал карандашом, не комментировал глупости, которых в наших бумагах хватало. Иногда спрашивал коротко: почему этот договор на физилицо, куда делся слот в два часа в двадцать третьем, кто такой «Трасса» в журнале, который звонит дважды в неделю. Я отвечала так же коротко. Подвал делал из нас двух людей, которые могут не воевать, пока над ними пол.

Потом он сказал:

— В Москве вы делали почти то же самое.

Я выпрямилась.

— Вы читали моё дело. Поздравляю. Там ещё есть рост, вес и причина увольнения «по соглашению»?

— Там есть дыра, — сказал он. — Человек не уходит со столичной ночи на региональную без крови. Вам сделали больно или вы сами?

— Какая разница для аудита?

— Никакой. Для разговора — есть.

Я захлопнула коробку громче, чем собиралась. Пыль встала между нами золотой в полоске света из окошка под потолком.

— Мне сделали больно. Потом я сама. Это обычно идёт комплектом. А теперь, Кирилл Сергеевич, можете вернуть в папку человека и оставить ведущую. Ведущую вам считать проще.

Он кивнул. Принял удар, не отбивая. Это бесило сильнее, чем если бы огрызнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда только ведущая. Завтра ночью я буду в аппаратной. Не в эфире. За стеклом. Мне нужно понять, как устроен слот.

— Понять или отключить?

Он задумался на секунду. Настоящую, не актёрскую.

— Сначала понять. Я редко вру в первую неделю.

— А на второй?

— На второй уже не нужно. Все сами всё понимают.

Он взял папки под мышку, кивнул на стремянку — «осторожнее» — и ушёл по железной лестнице, оставляя за собой запах холода и бумаги.

Я села на нижнюю ступеньку и долго смотрела на своё отражение в тёмном окошке: маленькое, злое, живое. Подвал гудел обогревателем. Наверху кто-то смеялся — Соня, кажется. Смех в этом здании теперь звучал как контрабанда.

Ночью снег стал сухим. Это сразу слышно: он больше не шлёпает, а шепчет.

Я пришла за час, как всегда. Прогрела микрофон голосом, попила чай, который Игорь Палыч заваривает так, будто мстит чаю. В записке на пульте Таня вывела: «Он сказал, что придёт. Если придёт — смотри в лампу, не в стекло. Целую. И не влюбляйся в санитарную обработку.»

Я написала в ответ: «Иди спи. У тебя в семь пробки.»

В полночь лампа зажглась.

Город выдохнул в трубки. Сначала диспетчер скорой, которая хотела «просто чужой голос, пока еду на вызов, где уже некого спасать». Потом парень с левого берега, у которого «мысли как трамваи — пустые и по расписанию». Потом тишина, песня, снова тишина. Я работала хорошо. Злость делает меня точнее, это стыдно, но это так.

В час двенадцать за стеклом появился он.

Не сел сразу. Постоял, чёрное пальто на крючке у Палы-

ча — уже висело, значит, вошёл тихо, как умеет. Водолазка, усталость, руки в карманах. Смотрел не на меня. На красную лампу. Потом на пульт. Потом всё-таки на меня.

Я не кивнула. Кивнуть значило пустить.

Палыч сунул ему запасные наушники, старые, с облезлой кожей. Волков надел их без брезгливости. Это я тоже себе записала: человек, который не брезгует чужими наушниками, либо простой, либо очень хорошо притворяется. Простыми они не бывают.

Он слушал.

В этом было что-то невыносимое. Днём он резал нас на столбцы. Сейчас сидел в полутьме аппаратной, и по лицу — вот беда — было видно, что он слышит. Не «оценивает». Слышит. Когда я сказала женщине с пустой квартирой: «я буду говорить достаточно громко», он закрыл глаза. На три секунды. Как человек, которому попали в старый синяк.

В два часа семнадцать на пульте замигал прямой.

Я подняла трубку.

— Радио Река. Вы в эфире, если хотите. Можете и не в эфире. Как вам легче.

Шум. Не комнатный — мотор на холостых, дворники, детский плач на заднем сиденье.

— Не в эфире, — сказал мужчина. Голос низкий, но не его: выше на полтона и с проглатываемой «о». — С смены еду. Ребёнок орёт, жена орёт, я орёт внутри. Посидите три минуты, а?

За стеклом Волков сидел с закрытым ртом. Наушники. Руки сложены. Не телефон.

Голова сказала: вот видишь, не он. Тело всё равно держало волну с совещания и не хотело отдавать её случайному отцу в машине.

— Три минуты есть, — сказала я. — Ребёнку сколько?

— Год и два. Зубы. Вы не представляете.

— Представляю плохо. Оставайтесь. Я буду говорить не очень умно, зато ровно.

Он остался на две песни. Потом сказал «спасибо, тётъ» — и я впервые за ночь почти рассмеялась. За стеклом Волков открыл глаза. В этом взгляде не было вопроса «кто тебе звонит». Был другой: «как ты это делаешь».

Я не знала, как. Я просто не вешаю трубку первой. Это единственное приличие, которое у меня осталось.

Гудки.

За стеклом Кирилл Волков снял наушники. Пальцы у него были длинные, с коротко срезанными ногтями, без кольца. Он посмотрел на меня сквозь стекло так, словно стекло было лишним.

Я поставила заставку, выключила свой микрофон и сказала в служебную связь:

— Если собираетесь закрыть это, хотя бы имейте смелость не получать от этого удовольствия.

Он наклонился к своему микрофону. Голос пришёл сухой, чистый, без эха комнаты:

— Кто сказал, что я получаю.

— У вас лицо, — сказала я. — Оно сейчас не из папки.

Пауза. Потом, почти слышно:

— Идите в эфир, Сомова. У вас горит лампа.

Я пошла. Потому что лампа в самом деле горела. Потому что город ждал. Потому что если смотреть на него ещё десять секунд, я спрошу, почему человек, который приехал нас выключить, слушает так, будто это его единственный шанс на сон.

В четыре ноль две я сказала своё.

— Если вы ещё не спите — значит, мы свои. Я никуда не ухожу.

За стеклом он стоял уже без наушников, рука на крючке, пальто в пальцах. Губы беззвучно повторили последнее слово. Не улыбаясь.

«Не ухожу».

Потом кивнул Палычу, мне — нет, и вышел в коридор, где всю зиму гуляет сквозняк, как чужая собака.

Я сидела, пока лампа не погасла, и держала ладонь на тёплом пластике микрофона.

В служебной связи ещё сидел его «кто сказал, что я получаю».

Сухой. Чистый. Слишком близкий.

Глава 4. После полуночи

Кирилл

Я не должен был звонить.

Это предложение можно повесить на стену во всех моих командировках. Под ним — фотографии станций, которых больше нет.

После эфира я дошёл до отеля пешком. Снег скрипел уже по-настоящему, по-зимнему, не по-слякотному. Река под мостом была чёрная, с редкими белыми швами. Город уменьшился до звука собственных шагов и чужого голоса, который всё ещё сидел в ушах, как вата после самолёта.

В номере четыреста двенадцать пахло чужим утюгом и моим чаем. Я поставил пальто сушиться, открыл ноут, набрал Лапину короткую ложь: «Актив понятен. Сетка избыточна. Иду по плану». Отправил, не перечитав. Перечитывать ложь — уже близость к ней.

Лег. Встал. Налил воду. Сел у окна.

Приёмник молчал. Я сам его выключил утром, как выключают слабое место.

В голове крутилось не это. Крутилась она за стеклом: как наклоняет голову к микрофону, как прикрывает глаза, когда

слушает чужую паузу, как злится красиво — не криком, точностью. И та трубка. Прямая линия, не эфир. Кто-то ехал с ребёнком и зубами, и она сказала ему: «оставайтесь». Голосом, которого не было для меня днём.

Я завидовал человеку в машине. Это было низко и очень ясно.

В 00:41 следующих суток — я смотрел на часы, значит, уже проиграл — я взял телефон с новой симкой. Старой привычкой командировок: отдельная линия для того, чего не должно быть. Набрал ночной номер станции, тот, что висел на сайте мелко, под словами «если не спится».

Гудки. Короткие, провинциальные.

— Радио Река. Вы в эфире, если хотите. Можете и не в эфире. Как вам легче.

Я закрыл глаза. Её голос без стекла был хуже. Ближе.

— Не в эфире. Просто... не спится.

Пауза. В этой паузе я понял, что она меня слышит. Не «узнала». Слышит. У Сомовой слух как у животного, которое живёт в темноте.

— Хорошо. Тогда будем не в эфире. Как к вам обращаться?

Я чуть не сказал имя. Зубы остановили язык.

— Никак. Можно просто слушать.

Она пошутила про витамины. Я ляпнул про отравление чужим голосом и захотел повеситься на шнуре чайника. Она не повесила трубку. Сказала: не уходите. Принцип. Не бро-

саям на полуслове.

Я остался, как остаётся человек, которому разрешили
сесть в тёплом подъезде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.